

Лжец на кушетке

Автор:

Ирвин Ялом

Лжец на кушетке

Ирвин Дэвид Ялом

Ирвин Ялом. Легендарные книги

Роман Ирвина Ялома "Лжец на кушетке" – удивительное сочетание психологической проницательности и восхитительно живого воображения, облеченное в яркий и изящный язык прозы. Изменив давней привычке рассказывать читателю о внутреннем мире и сокровенных переживаниях своих пациентов, доктор Ялом обращается к другим участникам психотерапевтических отношений – к самим терапевтам. Их истории рассказаны с удивительной теплотой и беспощадной откровенностью. Обратившись к работе доктора Ялома, читатель, как всегда, найдет здесь интригующий сюжет, потрясающие открытия, проницательный и беспристрастный взгляд на терапевтическую работу. Ялом показывает изнанку терапевтического процесса, позволяет читателю вкусить запретный плод и узнать, о чем же на самом деле думают психотерапевты во время сеансов. Книга Ялома – прекрасная смотровая площадка, с которой ясно видно, какие страсти владеют участниками психотерапевтического процесса.

В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

Ирвин Ялом

Лжец на кушетке

Будущему – Лили, Алану, Леноре, Джейсону.

Пусть ваши жизни будут наполнены чудом.

Irvin D. Yalom

LYING ON THE COUCH

Перевод с английского М. Будыниной

Оформление серии В. Меламеда

© 1996 by Irvin D. Yalom

© Оформление. В. Меламед, 2005

© ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Книги Ирвина Ялома

«Когда Ницше плакал»

Незаурядный пациент... Талантливый лекарь, терзаемый мучениями... Тайный договор. Соединение этих элементов порождает незабываемую сагу будто бы имевших место взаимоотношений величайшего философа Европы (Ф. Ницше) и одного из отцов-основателей психоанализа (Й. Брейера).

«Лжец на кушетке»

Ялом показывает изнанку терапевтического процесса, позволяет читателю вкусить запретный плод и узнать, о чем же на самом деле думают психотерапевты во время сеансов. Книга Ялома – прекрасная смотровая площадка, с которой ясно видно, какие страсти владеют участниками психотерапевтического процесса.

«Мама и смысл жизни»

Беря в руки эту книгу, ты остаешься один на один с автором и становишься не читателем, а скорее слушателем. Ну и, разумеется, учеником, потому что этот рассказчик учит. И когда он говорит: «Слушайте своих пациентов. Позвольте им учить вас», на какой-то миг вы меняетесь местами: ты становишься врачом, а Ялом – твоим пациентом, который учит своего терапевта. Ты только позволь ему это делать.

«Проблема Спинозы»

Жизнеописание гения и злодея – Бенедикта Спинозы и Альфреда Розенберга, интригующий сюжет, глубокое проникновение во внутренний мир героев, искусно выписанный антураж XVII и XX веков, безупречный слог автора делают «Проблему Спинозы» прекрасным подарком и тем, кто с нетерпением ждет каждую книгу Ялома, и тем, кому впервые предстоит насладиться его творчеством.

Пролог

Эрнесту нравилось быть психотерапевтом. День за днем пациенты открывали ему самые сокровенные тайники своей жизни. День за днем он успокаивал их, утешал их, прогонял отчаяние. А его за это обожали, холили и лелеяли. И платили ему, не без этого. Хотя Эрнест часто думал, что, не нуждаясь он в

деньгах, он бы занимался психотерапией на благотворительных началах.

Счастливы тот, кто любит свою работу. Эрнест, разумеется, понимал, что ему повезло. Более того, он понимал, что на него снизошло благословение. Он нашел свое призвание и мог со всей уверенностью заявить, что находится именно там, где должен быть, – на пике своего таланта, интересов, страстей.

Эрнест не был религиозным человеком. Но каждое утро, когда он открывал регистрационную книгу и видел имена восьми-девяти дорогих его сердцу людей, с которыми ему предстояло провести этот день, его охватывало чувство, назвать которое он мог лишь религиозным. В такие моменты его охватывало непреодолимое желание рассыпаться в благодарностях – кому-то, чему-то, что привело его на верный путь.

Бывало, по утрам, вглядываясь в небеса над Сакраменто-стрит, в утренний туман, он представлял, как в неверном свете утра перед ним проходят его предшественники-психотерапевты.

«Спасибо, спасибо вам», – прошептал бы он. Он благодарил их всех – всех целителей, врачующих отчаяние. В первую очередь – прародителей, чьи неземные силуэты были едва различимы: Иисус, Будда, Сократ. Далее – чуть более отчетливые образы отцов-основателей: Ницше, Кьеркегор, Фрейд, Юнг. Ближе – старшее поколение терапевтов: Адлер, Хорни, Салливан, Фромм и милое улыбочное лицо Шандора Ференци.

Несколько лет назад они откликнулись на его отчаянную мольбу, когда после практики в лечебнице он повел себя как любой полный амбиций молодой нейропсихиатр и занялся нейрхимическими исследованиями, обещавшими большое будущее и море возможностей для личностного роста. Прародители знали, что он сбился с пути. Его место было не в научной лаборатории. И не на раздаче лекарств в психофармакологии.

Они послали к нему вестника – забавного, курьезного посланника власти, – чтобы вернуть его на предназначенный ему путь. До этого дня Эрнест не знал, почему он решил посвятить себя психотерапии. Но он помнил, когда принял это решение. Он помнил этот день со всей ясностью. Прекрасно помнил он и посланника. Это был Сеймур Троттер, человек, которого он видел лишь однажды, но который изменил его жизнь раз и навсегда.

Шесть лет назад председатель кафедры назначил Эрнеста на прохождение практики в Стэнфордском комитете этики клинической медицины, и первым дисциплинарным иском, с которым ему пришлось работать, было дело доктора Троттера. Сеймур Троттер был патриархом психиатрии и бывшим президентом психиатрической ассоциации семидесяти одного года от роду. Он был обвинен в сексуальных домогательствах к своей тридцатидвухлетней пациентке.

В то время Эрнест был помощником профессора, четыре года назад закончившим учебную практику в лечебнице. У него была постоянная работа в сфере нейрохимических исследований – и ни малейшего представления о мире психотерапии. Именно поэтому он не понимал, почему именно ему поручили работать с этим случаем, а произошло это именно потому, что никто другой за него не взялся бы: любой психотерапевт со стажем в Северной Каролине благоговел перед Сеймуром Троттером – и боялся его.

В качестве места для проведения интервью Эрнест выбрал строгий административный кабинет больницы и приложил все усилия к тому, чтобы выглядеть официально. В ожидании доктора Троттера он поглядывал на часы, перед ним лежала папка с иском, но он не открывал ее. Чтобы остаться беспристрастным, Эрнест решил беседовать с обвиняемым, не имея никакой исходной информации, что позволило бы ему выслушать историю из его уст без каких бы то ни было предубеждений. Он ознакомится с содержанием этой папки позже и, если возникнет такая необходимость, назначит вторую встречу.

Он слышал стук, раздающийся в холле. Доктор Троттер слеп? Его никто об этом не предупреждал. Стук, сопровождаемый шарканьем, приближался. Эрнест встал и вышел в холл.

Нет, он не слеп. Калека. Доктор Троттер ковылял по коридору, неловко балансируя между двумя тростями. Согнувшись, он широко расставлял трости, держа их практически на вытянутых руках. Его крепкие, сильные подбородок и скулы были в хорошей форме, но все остальное пространство было покрыто морщинами и старческими пятнами. Кожа на шее собралась в крупные складки, из ушей выбивались пучки белой поросли. Но годы не могли взять свое – что-то юное, даже мальчишеское осталось в этом человеке. Что же это? Может, волосы – ежик густых седых волос – или одежда – синяя джинсовая куртка поверх белого свитера с высоким горлом.

Знакомство прошло в дверях. Доктор Троттер сделал два нетвердых шага, вдруг вскинул свои трости, бешено завертелся и, словно по чистой случайности, спланировал прямо на свой стул.

«О-па! Что, удивился?»

Эрнест не мог позволить себе сойти с намеченного пути. «Доктор Троттер, вы понимаете, для чего нужно это интервью и почему я записываю его на пленку?»

«Я слышал, что руководство госпиталя собирается представить меня к награде как лучшего сотрудника месяца».

Эрнест не ответил. Он не отрываясь смотрел в его огромные круглые очки.

«Простите, я знаю, что у вас есть работа и вам надо ее выполнять, но, когда размениваешь восьмой десяток, начинаешь смеяться над такими вот удачными приколами. Да, на прошлой неделе пошел семьдесят второй год. А вам сколько лет, доктор?.. Я забыл, как вас зовут. Каждую минуту, – произнес он, постучав себя по голове, – дюжины нейронов коры головного мозга вылетают наружу, словно дохнувшие мухи. Самое забавное в этом то, что я опубликовал четыре работы по болезни Альцгеймера – разумеется, уже не помню где, но в хороших журналах. Вы знали об этом?»

Эрнест покачал головой.

«Итак, вы не знали, я забыл, так что мы с вами в одной лодке. Знаете, что самое классное в болезни Альцгеймера? Ваши новые знакомые оказываются вашими старыми друзьями, и вы сами можете класть себе подарки под елку».

Эрнеста все это раздражало, но он не смог сдержать улыбку.

«Итак, ваше имя, возраст, мировоззренческая позиция?»

«Доктор Эрнест Лэш, а остальное, доктор Троттер, скорее всего на данный момент к делу не относится. Нам сегодня предстоит много работы».

«Моему сыну сорок. Вы не старше его. Я знаю, что вы выпускник Стэнфорда. Слышал, в прошлом году у вас были серьезные выступления. Вы хорошо справились. Очень четкое изложение материала. Сейчас психофармакология на волне, не так ли? И как же вас сейчас учат психотерапии? Вас вообще этому учат?»

Эрнест снял часы и положил их на стол. «Когда-нибудь, в другой раз, я с радостью представлю вам копию стэнфордского расписания, но сейчас, доктор Троттер, прошу вас, давайте приступим к делу. Пожалуй, лучше всего, если вы сами расскажете мне о миссис Феллини».

«Ладно, ладно, ладно. Вы хотите, чтобы я был серьезен. Вы хотите, чтобы я рассказал вам свою историю. Садись, паренек, и слушай мою историю. Начнем с начала. Было это года четыре назад – как минимум четыре года назад... Я потерял все свои записи об этой пациентке... что говорится об этом в вашей папке, когда это было? Что? Вы не читали материалы дела. Лень? Или пытаетесь избежать ненаучной непредвзятости?»

«Прошу вас, доктор Троттер, продолжайте».

«Первый принцип интервью – создать теплую атмосферу доверия. Вы справились с этой задачей настолько искусно, что теперь мне намного легче говорить с вами об этих болезненных и неприятных вещах. О, это вас трогает. Будьте поосторожнее со мной, доктор Лэш, я сорок лет читал лица. У меня это очень хорошо получается. Но если вы больше не будете меня перебивать, я начну. Готовы?»

Несколько лет назад – скажем, около четырех лет – женщина, Белль, вошла в мой кабинет, я бы даже сказал, втащила себя – или вволокла. Да, лучше так. Вволокла – есть такой глагол? Лет тридцать пять, из хорошей обеспеченной семьи – шведско-итальянской, – в депрессии, на улице лето, а она в блузке с длинными рукавами. Явно резала себе вены, все запястья в порезах. Доктор Лэш, если летом человек носит одежду с длинными рукавами, трудный пациент, можете не сомневаться: перед вами любитель резать вены или колоть наркотик. Привлекательная, с потрясающей кожей, чарующие глаза, элегантно одетая. Настоящий класс, но на грани упадка.

Большой стаж саморазрушения. Сами понимаете: наркотики, все попробовала, ничего не пропустила. Когда мы встретились впервые, она опять начала пить и колола героин. Но так никогда и не привыкала к наркотикам по-настоящему. Как-то ей это удавалось – есть такие люди, – но она работала над этим. Не обошлось и без пищевого расстройства. В основном анорексия, но бывали и приступы булимической рвоты. Я уже говорил о том, что она резала вены, – все руки, запястья сплошь покрыты шрамами: ей нравилась боль, нравилась кровь, только в эти мгновения она чувствовала себя живой. Пациенты твердят об этом постоянно. Полдюжины госпитализаций – краткосрочных, она выписывалась через пару дней. Вся больница радовалась, когда она выписывалась. Она была настоящим специалистом, гением прямо-таки по части беспорядков. Помните «Игры, в которые играют люди» Эрика Берна?

Нет? Это, наверное, было до вас. Боже святой, я чувствую себя стариком. Хорошая штука – Берна был умный малый. Прочтите, такое не должно забываться.

Замужем, детей нет. Она не хотела их заводить, говорила, что этот мир – слишком жуткое и гадкое место, чтобы приводить сюда детей. Хороший муж, отвратительные отношения. Он очень хотел детей, из-за этого постоянно были стычки. Он был банкиром, занимался инвестициями, как и ее отец, вечно в разъездах. Через несколько лет семейной жизни его либидо умерло – или переключилось на зарабатывание денег: он хорошо зарабатывал, но ему никогда не удавалось сорвать по-настоящему большой куш, как ее отцу. Дела, дела, дела, спал с компьютером. Может, его он и трахал, кто знает. Но Белль он не трахал, это уж точно. По ее словам, он годами избегал ее. Может быть, потому, что злился из-за того, что у него не было детей. Трудно сказать, на чем держался их брак. Он был воспитан в семье последователей «Христианской науки»[1 - Религиозная система, разработанная в США Мэри Бейкер Эдди (1821-1910). – Прим. ред.] и отказывался пройти курс семейной терапии или какой-либо другой психотерапии. Но она говорила, что никогда по-настоящему не настаивала на этом. Посмотрим. Что еще? Направляйте меня, доктор Лэш.

Предыдущие терапевты? Хорошо. Важный момент. Я всегда задаю этот вопрос в первые полчаса. Непрерывающийся курс терапии – или попытки терапевтического воздействия, – начавшийся еще в подростковом возрасте. Прошла через руки всех Женевских терапевтов, ездила в Цюрих к психоаналитикам. Училась в американском колледже, в Помоне, переходила от терапевта к терапевту, причем с большинством из них дело ограничивалось

единственным сеансом. На трех-четырех терапевтах она застревала по несколько месяцев, но ни с кем не получалось ничего путного. Белль была – и остается – очень свободолюбивой. Никто не может быть достойным ее или по крайней мере подходящим. У каждого терапевта находился какой-то недостаток: слишком формальный, слишком помпезный, слишком критичный, слишком снисходительный, слишком деловой, слишком холодный, слишком озабоченный диагностикой, слишком зависимый от стереотипов. Психиатрическое воздействие? Психологическое тестирование? Поведенческие протоколы? Забудьте! Все это советуют, и всех она сразу же отбраковывала. Что еще?

Почему она выбрала меня? Замечательный вопрос, доктор Лэш. Конкретизирует беседу и ускоряет процесс. Мы скоро сделаем из вас психотерапевта. У меня было такое ощущение, еще когда я слышал ваши выступления. Хорошая голова, острый ум. Это было видно по тому, как вы преподносили материал. Но что мне понравилось больше всего, так это то, как вы докладывали о случаях, с которыми работали, особенно то, как вы позволяете пациентам воздействовать на вас. Я увидел в вас полный набор нужных инстинктов. Как говорил Карл Роджерс, «не теряйте время на обучение терапевтов, лучше посвятите это время их отбору». Я всегда считал, что в этих словах большая доля правды.

Итак, на чем я остановился? А, как она вышла на меня. Ее гинеколог, которого она обожала, в свое время был моим пациентом. Он сказал ей, что я правильный парень, не трепач и берусь за любые случаи. Она нашла меня в библиотеке, и ей понравилась моя статья пятнадцатилетней давности, в которой я рассматривал предложение Юнга относительно изобретения нового терапевтического языка для каждого отдельного пациента. Знаете эту статью? Нет? «Журнал ортопсихиатрии». Я пришлю вам копию. Я зашел даже дальше, чем Юнг. Я предложил изобретать новый вид терапии для каждого отдельного пациента, предложил со всей серьезностью относиться к идее уникальности каждого пациента и разрабатывать для каждого из них свой уникальный психотерапевтический метод.

Кофе? Да, я пожалуй, не откажусь. Черный. Благодарю вас. Так что вот как она нашла меня. Доктор Лэш, следующее, о чем вы должны меня спросить? Зачем? Именно. Именно об этом. Такой вопрос всегда надо задавать новому пациенту, если вы хотите, чтобы ваша работа была продуктивной. Ответ такой: опасные сексуальные выходки. Это понимала даже она сама. Она всегда вытворяла что-то подобное, но сейчас это начинало переходить все возможные пределы.

Представьте, на скоростном шоссе она пристраивалась рядом к грузовику или трейлеру – достаточно высокому для того, чтобы водитель мог видеть, что происходит в салоне ее машины, – задирала юбку и мастурбировала – на скорости восемьдесят миль в час. Безумие. Потом она поворачивала, и, если водитель следовал за ней, она останавливалась, забиралась к нему в кабину и делала ему минет. Смертельный номер. И таких случаев тьма. Она настолько не контролировала себя, что, когда уставала, отправлялась в какой-нибудь низкопробный бар Сан-Хосе, иногда там тусовались чикано, иногда черные, и снимала кого-нибудь. Она получала кайф от опасных ситуаций, когда ее окружали незнакомые мужчины, потенциальные насильники. Опасность исходила не только от мужчин, но и от проституток, которые приходили в бешенство оттого, что она занималась их делом и уводила их клиентуру. Они грозились убить ее, так что ей приходилось кочевать с одного места на другое. А СПИД, герпес, безопасный секс, презервативы? Как будто она ничего обо всем этом не слышала.

Так что приблизительно в таком состоянии была Белль, когда мы начали работать с ней. Представляете себе ситуацию? У вас есть какие-нибудь вопросы или мне можно продолжать? О'кей. Итак, каким-то образом во время первой нашей встречи я прошел все ее испытания. Она вернулась во второй раз и в третий, так что мы начали курс терапии, встречаясь по два, а иногда по три раза в неделю. Целый час я самым подробным образом расспрашивал ее о работе с предыдущими терапевтами. Эта стратегия всегда очень полезна при работе с трудными пациентами, доктор Лэш. Узнайте, как они ее лечили, и старайтесь не повторять их ошибок. Выкиньте из головы эту чушь о том, что пациент не готов к терапевтическому воздействию! Это терапевтическое воздействие не готово к пациенту. Но для того чтобы быть способным изобрести новую терапию для каждого пациента, вы должны быть смелым и креативным.

Белль Феллини не была тем пациентом, с которым можно было работать при помощи традиционных техник. Если бы я продолжил играть свою нормальную профессиональную роль: собирал информацию, рефлексировал, эмпатировал, интерпретировал... пф! Она бы сбежала. Поверьте мне. Sayonara[2 - До свидания (японск.). – Прим. ред.]. Auf Wiedersehen[3 - До свидания (нем.). – Прим. ред.]. Именно так заканчивались ее отношения со всеми терапевтами, которые ей попадались, причем многие из них были на хорошем счету. Знаете эту старую шутку – операция прошла успешно, но пациент скончался.

Какими методиками пользовался я? Боюсь, вы перестали меня понимать. Моя методика состоит в том, чтобы не придерживаться ни одной методики! Я не умничаю, доктор Лэш, это первое условие качественной психотерапии. Если вы станете терапевтом, вы тоже будете следовать этому правилу. Я пытался быть более человечным и менее механистичным. Я не составляю систематизированные терапевтические планы – после сорока лет практики вы бы тоже не стали этим заниматься. Я доверяю своей интуиции. Но вам, как новичку, это не подходит. Оглядываясь назад, я понимаю, что самым удивительным аспектом патологии Белль была ее импульсивность. У нее появляется желание – бинго! Она начинает делать все для его осуществления. Помню, я хотел повысить ее толерантность[4 - Терпимость, способность переносить. – Прим. ред.] к фрустрации. Это была моя начальная точка, моя первоочередная, а может – и основная цель терапии. С чего же мы начали? Без своих записей мне трудно вспомнить, с чего все начиналось, – столько лет прошло.

Я же говорил вам, что я потерял их. Вижу сомнение на вашем лице. Записи пропали. Исчезли, когда я переезжал из офиса в офис два года назад. Вам ничего не остается, кроме как поверить мне на слово.

Главное, что мне запомнилось из этого начального периода, так это тот факт, что дела шли намного лучше, чем я мог представить. Не знаю почему, но я сразу приглянулся Белль. Вряд ли это заслуга моей ослепительной внешности. Мне как раз сделали операцию на катаракту, так что мои глаза выглядели отвратительно. Да и моя атаксия[5 - Нарушение координации движений. – Прим. ред.] особой сексуальности к моему облику не прибавляет. Это наша семейная мозжечковая атаксия, если хотите знать. Прогрессирующая. Я еще похожу на своих двоих годик-другой, а потом три-четыре года посижу в инвалидном кресле. *C'est la vie.*

Полагаю, я подкупил Белль тем, что обращался с ней как с личностью, с человеком. Я поступал именно так, как вы поступаете сейчас, и я, доктор Лэш, очень рад, что вы действуете так же. Я не читал ни одну ее карту. Я взялся за это дело вслепую, хотел иметь совершенно свежий, незатуманенный взгляд на вещи. Белль никогда не была для меня диагнозом: ни пограничным состоянием, ни пищевым расстройством, ни компульсивным антисоциальным расстройством. Так я отношусь ко всем своим пациентам. Надеюсь, я не стану диагнозом для вас.

Считаю ли я необходимым ставить диагноз? Ну, я знаю, что все вы, теперешние выпускники, да и вся психофармакологическая промышленность только этим и живете. Психиатрические журналы переполнены бессмысленными рассуждениями о нюансах диагностики. Это все будет забыто. Я знаю, некоторые психозы нуждаются в диагностике, но в повседневной психотерапии роль диагностики невелика – а то и негативна. Вы никогда не задумывались над тем, что поставить пациенту диагноз при первой встрече легко, но чем лучше вы его узнаете, тем задача становится сложнее? Спросите об этом любого опытного терапевта в частной беседе, и он скажет вам то же самое! Иными словами, уверенность обратно пропорциональна осведомленности. Такая вот наука, ага?

Я пытаюсь объяснить вам, доктор Лэш, что я не просто не поставил диагноз Белль, я и не мыслил такими категориями. Я и сейчас не думаю. Несмотря на все случившееся, на все, что она сделала, я так не думаю. И я думаю, что она знала об этом. Мы были всего лишь двоими людьми, вступающими в контакт. И мне нравилась Белль. Всегда нравилась. Очень! И она это знала. Может, в этом все дело.

Белль не была хорошим пациентом для разговорной терапии – ни для одной ее разновидности. Импульсивная, предпочитающая действия размышлениям, неспособная к интроспекции, к свободным ассоциациям; собственный внутренний мир ее совершенно не интересовал. Она никогда не справлялась с традиционными терапевтическими заданиями, такими, как самоисследование, инсайт, что только понижало ее самооценку. Вот почему терапия всегда оказывалась неэффективной. И вот почему я был уверен в необходимости направить ее внимание в иное русло. Вот почему мне пришлось изобрести новый терапевтический подход специально для Белль.

Например? Хорошо, я приведу вам пример. Это произошло в самом начале терапии, на третьем или, возможно, четвертом месяце. Тогда я вплотную занимался ее самодеструктивным сексуальным поведением и расспрашивал ее о том, что ей действительно нужно от мужчин, в том числе и от первого мужчины в ее жизни – ее отца. Но я старался впустую. Она наотрез отказывалась говорить о прошлом – слишком много говорила об этом с другими терапевтами, заявила она. Еще она была уверена в том, что раскапывание могил прошлого служит лишь благовидным предлогом для того, чтобы снять с себя ответственность за собственные поступки. Она прочла мою книгу по психотерапии и цитировала по ней мои же слова. Меня это бесило. Когда пациенты начинают сопротивляться, цитируя твои собственные книги, можешь считать, что тебя взяли за жабры.

На одном из сеансов я попросил ее рассказать какую-нибудь детскую мечту или сексуальную фантазию, и в конце концов, чтобы посмешить меня, она пересказала одну повторяющуюся фантазию, которая была у нее лет в восемь-девять: на улице страшный ливень, она входит в комнату, замерзшая и вымокшая до нитки. Там ее ждет пожилой мужчина. Он обнимает ее, снимает промокшую одежду, вытирает огромным теплым полотенцем, поит горячим шоколадом. И я предложил ей разыграть сценку: сказал ей, чтобы она вышла из кабинета и вошла обратно, притворяясь, что промокла и замерзла. Я, разумеется, опустил сцену с раздеванием, принес из ванной внушительных размеров полотенце, хорошенько вытер ее – все это без всякого сексуального подтекста, как и было всегда. Я «высушил» ее волосы, после чего закутал ее в полотенце, усадил на стул и приготовил чашку растворимого горячего шоколада.

Не спрашивайте, почему я решил проделать это именно тогда. С таким большим стажем практики, как у меня, начинаешь доверять своей интуиции. И этот случай изменил все. Какое-то время Белль не могла произнести ни слова, в ее глазах стояли слезы, а потом она разрыдалась, как дитя. Белль никогда, никогда не плакала у терапевтов. Ее сопротивление как рукой сняло.

Что я имею в виду под исчезновением сопротивления? Я имею в виду, что она стала доверять мне, поверила в то, что мы с ней находимся по одну сторону баррикад. Технический термин, доктор Лэш, обозначающий этот феномен, – «терапевтический альянс». После этого она стала настоящим пациентом. Она смело делилась важной информацией. Она начала жить в ожидании следующего сеанса. Терапия стала центром ее вселенной. Снова и снова она повторяла, как много я для нее значу. И все это – через каких-то три месяца.

Не слишком ли много я значил для нее? Нет, доктор Лэш, терапевт не может значить для пациента слишком много в самом начале терапии. Даже Фрейд пользовался стратегией замены психоневротического состояния на невроз переноса – это эффективнейший способ, помогающий взять под контроль деструктивные симптомы.

Это привело вас в замешательство. Ну что обычно происходит, когда пациент становится одержим терапевтом? Он подолгу размышляет над каждым сеансом, ведет бесконечные воображаемые диалоги с терапевтом между сеансами. Со временем на место симптомов приходит терапия. Иными словами, пациентом перестают управлять внутренние невротические факторы, и он начинает

меняться под воздействием требований терапевтических отношений.

Нет, спасибо, кофе достаточно, Эрнест. Но вы не обращайте внимания, пейте. Вы не возражаете, если я буду называть вас Эрнестом? Хорошо. Итак, чтобы добиться результатов, я решил воспользоваться ее состоянием. Я сделал все, что мог, чтобы стать для нее максимально значимым. Я отвечал на все без исключения вопросы о своей жизни, я поддерживал то, что было в ней позитивного. Я рассказывал ей, насколько она умна и красива. Я ненавижу то, что она делает с собой, и прямо, без обиняков ей об этом заявлял. Мне было нетрудно: все, что от меня требовалось, – говорить правду.

Вы спрашивали меня, какой методикой я оперировал. Может, лучшим ответом на этот вопрос будет следующее: я говорил правду. Со временем я стал играть более важную роль в ее фантазиях. Она подолгу рассказывала о своих фантазиях, касающихся нас обоих, – как мы просто проводим время вместе, обнимаемся, я играю с ней, словно с ребенком, кормлю ее. Однажды она принесла в кабинет баночку желе «Jell-O», ложку и попросила меня покормить ее, что я и сделал, вызвав бурную радость.

Звучит вполне невинно, правда? Но я знал, еще в самом начале, что за всем этим неявно вырисовывается тень. Я знал это, я знал это, когда она рассказывала, как она возбудилась, когда я кормил ее. Я знал это, когда она рассказывала о том, как она подолгу плавает в каноэ, по два-три дня в неделю, только чтобы побыть в одиночестве, плыть по воде и наслаждаться фантазиями обо мне. Я знал, что рискую, но это был просчитанный риск. Я хотел позволить сформироваться позитивному переносу, который мог бы впоследствии использовать для борьбы с ее саморазрушительными тенденциями.

И через несколько месяцев я стал играть такую большую роль в ее жизни, что получил возможность добраться до ее патологии. Для начала я занялся вопросами жизни и смерти: ВИЧ, сцены в барах, шоссейный ангел милосердия, практикующий оральный секс. Она сдала кровь на ВИЧ – отрицательная реакция, слава богу. Я помню, как мы в течение двух недель ждали результатов анализа. Надо сказать, что переживал я не меньше ее.

Вам когда-нибудь приходилось работать с пациентом, ожидающим результатов анализа на ВИЧ? Нет? О Эрнест, этот период ожидания – непаханое поле возможностей. Вы можете использовать его для того, чтобы провести по-настоящему серьезную работу. Несколько дней пациенты проводят лицом к лицу

со своей собственной смертью, возможно, первый раз в жизни. В это время вы можете помочь им исследовать список приоритетов и внести в него изменения, сделать основой их жизни то, что имеет реальное значение. Я иногда называю это терапией экзистенциального шока. Но не в случае Белль. Ее это не беспокоило. Просто отказывалась верить. Как и большинство пациентов, склонных к саморазрушению, она была уверена в собственной неуязвимости – умереть она могла лишь от собственной руки.

Я рассказал ей о ВИЧ, о герпесе, которого, что удивительно, у нее тоже не оказалось, о безопасном сексе. Я рассказал ей о более безопасных местах, где можно подцепить мужчину, если уж ей обязательно надо это сделать: теннисные клубы, собрания Ассоциации родителей-учителей, читальные залы книжных магазинов. Белль была неподражаема, она была способна назначить тайное randevu совершенно незнакомому красавцу за каких-то пять-шесть минут, причем в десяти футах могла в этот момент находиться ничего не подозревающая жена. Должен отметить, я завидовал ей. Большинство женщин не ценят свое счастье в этом плане. Можете представить себе мужчину – особенно такую старую развалину, как я, – проделывающего что-то подобное с такой легкостью?

Поразительным качеством Белль при всем том, о чем я уже рассказал вам, была ее абсолютная честность. На первых двух сеансах, когда мы решали, что будем работать вместе, я поставил основное условие терапии – стопроцентная честность. Она должна была сообщать мне обо всех значимых событиях, происходящих в ее жизни: употребление наркотиков, импульсивные сексуальные выходки, порезы, рвота, фантазии – обо всем. Иначе, сказал я ей, мы только потратим время зря. Но если она делится чем-то со мной, то может с полной уверенностью рассчитывать на меня – я помогу ей справиться с этим. Она дала мне это обещание, и мы скрепили этот контракт церемонным рукопожатием.

И, насколько мне известно, она свое обещание сдержала. На самом деле это было частью моего метода, потому как, если бы в течение недели произошли какие-либо серьезные срывы, например, она порезала себе руки или отправилась в бар, я бы проанализировал их до мельчайших подробностей. Я настоял бы на глубоком и длительном исследовании всех происшествий, имевших место незадолго до срыва. «Прошу вас, Белль, – говорил я, – я должен услышать все, что происходило до этого, все, что может помочь нам понять, почему это произошло: как вы провели утро, о чем вы думали, что чувствовали, о

чем мечтали». И Белль оказывалась припертой к стенке: она хотела поговорить о множестве других вещей, и ей ужасно не нравилось тратить значительную часть сеанса на подобные разговоры. Только это помогало мне держать ее импульсивность под контролем.

Инсайт? Не самый частый гость в терапии Белль. О, она начала понимать, что чаще всего ее импульсивным срывам предшествует ощущение омертвелости и опустошенности и что риск, порезы, секс, кутежи были попыткой заполнить себя чем-то или вернуть себя к жизни.

Но чего Белль никак не могла понять, так это абсолютной бесплодности этих попыток. После каждой из них наступал обратный эффект, так как далее следовало появление острого чувства стыда и новые, более отчаянные – и более саморазрушительные – попытки почувствовать себя живой. Белль с каким-то невероятно бестолковым упорством не желала понимать, что ее поведение влечет за собой определенные последствия.

Так что на инсайт надеяться не приходилось. Мне нужно было предпринять что-то другое, и я испробовал все, что есть в книгах и чего в них нет, чтобы сдержать ее импульсивность. Мы составили список ее самодеструктивных видов поведения, и она дала согласие не совершать ничего из того, что записано в этот список, не позвонив предварительно мне и не предоставив мне шанс отговорить ее. Но звонила она редко, потому что не хотела посягать на мое личное время. Где-то в глубине души она была уверена, что моя преданность на самом деле ничего не стоит, что я скоро устану и избавлюсь от нее. Мне никак не удавалось ее переубедить. Она просила дать ей какое-нибудь конкретное напоминание обо мне, чтобы она могла иметь его при себе. Это помогло бы ей контролировать себя. «Выберите что-нибудь из того, что есть в офисе», – сказал я ей. Она сняла с моей куртки шейный платок. Я отдал платок ей, но перед этим написал на нем слова, представлявшие мне важными:

Мне кажется, что я мертва, и я причиняю себе боль, чтобы почувствовать, что я жива.

Я бесчувственна, и я иду на риск, подвергаю себя опасности, чтобы чувствовать, что я живу.

Я чувствую опустошенность, поэтому я пытаюсь заполнить себя наркотиками, едой, спермой.

Но это всего лишь короткие передышки. Все кончится тем, что мне будет стыдно, – и я буду еще более мертвой и опустошенной.

Я наказал Белль медитировать на этот платок каждый раз, когда у нее будут возникать деструктивные импульсы.

На вашем лице насмешка, Эрнест. Вы не согласны? Почему? Слишком уж хитроумно? Нет, что вы. Я понимаю, что это кажется чересчур мудреным, согласен, но в безнадежных случаях мы прибегаем к отчаянным шагам. Я обнаружил, что пациентам, у которых так и не появилось отчетливое ощущение постоянства предметного мира, очень помогает что-то вещественное, некое конкретное напоминание. Один из моих учителей, Льюис Хилл, который потрясающе работал с тяжелыми случаями шизофрении, дышал в маленькие бутылочки и раздавал их пациентам: они должны были носить их на шее, пока он был в отпуске.

Этот прием тоже кажется вам слишком хитроумным, Эрнест? Позвольте мне предложить вам другое слово, оно лучше здесь подходит: креативно. Помните, что я говорил о создании новой терапии для каждого пациента? Именно это я и имел в виду. Кстати, вы не задали мне самый важный вопрос.

Подействовало ли это? Несомненно, несомненно. Это самый уместный вопрос. Единственно возможный вопрос. Забудьте правила. Да, это подействовало! Это работало с пациентами доктора Хилла и подействовало на Белль. Она носила мой шейный платок и постепенно брала свои импульсы под контроль. Она «соскакивала» все реже, и скоро мы получили возможность прорабатывать и другие проблемы на терапевтических сеансах.

Что? Простой перенос и его терапевтический эффект? Кажется, вы начинаете что-то в этом понимать, Эрнест. Хорошо, хорошо, что вы спросили. У вас чутье на то, что действительно стоит внимания. Послушайте меня, вы не тем занимаетесь – вы не предназначены для работы в нейрохимии. Как вам сказать... Фрейд возвел напраслину на терапевтический эффект переноса около ста лет назад. В его словах есть рациональное зерно, но по большей части он ошибался.

Поверьте мне, если вам удалось прорваться в самодеструктивный поведенческий цикл – неважно, как вы это сделали, – вы достигли определенного успеха. Первым делом следует разорвать порочный круг ненависти к себе, саморазрушения и еще большей ненависти к себе из-за стыда за свое поведение. Хоть она и не ощущала ничего подобного, только представьте себе стыд и презрение, которые скорее всего вызывало у Белль ее падение. Направить этот процесс вспять – задача терапевта. Карен Хорни как-то сказала... Вы знакомы с работами Карен Хорни, Эрнест?

Жаль, но, судя по всему, такова судьба ведущих теоретиков в нашей области – наши учения актуальны лишь для одного поколения. Хорни была одним из моих любимых авторов. Пока учился, я перечитал все ее книги. Ее главной работе, «Невроз и развитие личности», больше пятидесяти лет, но это лучшая книга по терапии, какую только можно найти, – и ни одного жаргонного слова. Я пришлю вам свой экземпляр. У нее была фраза, может быть даже в этой книге, – простая, но мощная: «Если вы хотите гордиться собой, делайте то, что вызывает у вас гордость».

Я забыл, о чем я рассказывал. Напомните мне, Эрнест. Мои отношения с Белль? Разумеется, ведь именно ради этого мы сегодня и встретились? Они развивались во множестве различных плоскостей, но я знаю, что ваш комитет особенно заинтересован в физическом контакте. Белль с самого начала превратила это в проблему. Сейчас я взял за привычку касаться своих пациентов – как мужчин, так и женщин – на каждом сеансе; обычно это рукопожатие при прощании или, может быть, похлопывание по плечу. Но Белль не было до этого дела: она не подавала мне руки и отпускала разные шуточные замечания типа «А это рукопожатие было одобрено Американской психиатрической ассоциацией?» или «Не могли бы вы вести себя несколько более формально?».

Иногда в конце сеанса она обнимала меня – всегда по-дружески, без какого бы то ни было сексуального подтекста. На следующем сеансе она упрекала меня за мое поведение, излишнюю формальность, за то, как я окаменел, когда она обняла меня. И это «окаменел» относится к моему телу, а не к моему члену, Эрнест, я видел, как вы на меня посмотрели. Из вас бы вышел классный игрок в покер. Мы еще не перешли к «клубничке». Я скажу вам, когда начнется самое интересное.

Она жаловалась на то, что я слишком большое значение придаю возрасту. Если бы я была умудренной опытом старухой, говорила она, то я бы, не раздумывая, обнял ее. Возможно, она была права. Физический контакт был особенно важен Белль. Она настаивала на том, чтобы мы прикасались друг к другу, причем постоянно. Давила, давила, давила. Без остановки. Но я могу это понять: Белль выросла в условиях тактильной депривации. Ее мать умерла, когда ей было несколько месяцев от роду, ее вырастили постоянно сменяющиеся швейцарские гувернантки. А отец! Представьте, каково расти с отцом, страдающим фобией микробов. Он никогда к ней не прикасался, всегда носил перчатки – и дома, и на улице. Слуги промывали и проглаживали всю его корреспонденцию.

Постепенно, где-то через год, я расслабился настолько – или размягчился настолько под непрекращающимся нажимом Белль, что начал заканчивать наши встречи аванкулярным объятием. Что такое «аванкулярным»? Это значит – «как дядя». Но, что бы я ей ни давал, она всегда требовала большего, обнимаясь со мной, постоянно пыталась поцеловать меня в щеку. Я всегда пытался убедить ее с уважением относиться к границам, а она всегда настаивала на активной борьбе с ними. Трудно сказать, сколько лекций было мной прочитано на эту тему, сколько статей и книг я дал ей.

Но она была, словно ребенок в теле женщины, – сногшибательном женском теле, – и ее стремление к контакту было непобедимо. Можно ли ей подвинуть стул чуть ближе? Не мог бы я несколько минут подержать ее за руку? Не могли бы мы сесть рядом на софу? Не мог бы я просто обнять ее и посидеть молча или прогуляться с ней, вместо того чтобы разговаривать?

Она была феноменально настойчива. «Сеймур, – говорила она, – ты столько говорил о создании новой терапии для каждого конкретного пациента, но все, что ты запомнил из своих статей, так это «как указано в официальном руководстве» и «пока это не нарушает покой терапевта среднего возраста». Она обвиняла меня в том, что я обращался за помощью к руководству АПА относительно границ в терапии. Она знала, что я был причастен к написанию этого руководства, так что она обвиняла меня в том, что я стал рабом собственных правил. Она критиковала меня за то, что не читал свои собственные статьи. «Вы такое большое значение придаете уникальности каждого пациента, после чего притворяетесь, что один-единственный набор правил подходит для работы с любым пациентом в любой ситуации». Она говорила, что «мы все свалены в одну кучу, как будто все пациенты одинаковы и лечить их нужно одинаково». А ее любимый аргумент звучал так: «Что важнее: соблюдать

правила, не вылезать из теплого удобного кресла или же делать то, что лучше для пациента?»

Еще она любила пройтись по моей «защитной» тактике психотерапии. «Вы так боитесь, что на вас подадут в суд. Все вы, терапевты-гуманисты, трясетесь от страха перед законниками, но при этом вы призываете своих психически неполноценных пациентов хвататься за свободу обеими руками. Вы и вправду думаете, что я подам на вас в суд? Разве вы еще настолько плохо меня знаете, Сеймур? Вы спасаете мою жизнь. И я люблю вас!»

И знаете ли, Эрнест, она была права. Она поймала меня. Я действительно дрожал от страха. Я стоял на защите основных установок – даже в тех ситуациях, когда точно знал, что они антитерапевтичны. Я ставил свою робость, свои страхи о своей скромной карьере выше ее интересов. И в самом деле, если взглянуть на ситуацию непредвзято, в том, что я позволял ей сидеть рядом со мной, держать меня за руку, не было ничего плохого. На самом деле каждый раз, когда я позволял ей сделать это, нашей терапии это неизменно шло на пользу – она меньше защищалась, больше мне доверяла, получала лучший доступ к своему внутреннему миру.

Что? Существуют ли вообще устойчивые барьеры в терапии? Разумеется, существуют. Слушайте дальше, Эрнест. Моя проблема заключалась в том, что Белль готова была разнести в клочья любые границы – они действовали на нее как красная тряпка на быка. Стоило только мне поставить любую – любую – границу, она начинала выбивать из нее по кирпичику. Она стала носить обтягивающие платья, прозрачные блузки без лифчика. Когда я прокомментировал эту ситуацию, она высмеяла мое якобы викторианское отношение к телу. Она говорила, что я хочу приникнуть в самые интимные уголки ее сознания, но ее кожа, тело – ни-ни! Несколько раз она начинала жаловаться на уплотнение в груди и просила меня обследовать ее. Разумеется, я отказался. В конце концов секс со мной стал ее навязчивой идеей, и она часами упрашивала меня заняться с ней любовью хотя бы один-единственный раз. Один из ее аргументов звучал так: первое и последнее занятие сексом со мной снимет с нее это наваждение. Она поймет, что ничего особенного или волшебного в этом нет, и тогда она сможет спокойно думать и о других вещах в этой жизни.

Какие чувства вызывал во мне этот сексуальный крестовый поход против меня? Хороший вопрос, Эрнест, но разве он имеет отношение к нашему расследованию?

Вы не уверены? Может показаться, что в данной ситуации важно только то, что я сделал, – то, за что меня судят, а не то, что я думал, чувствовал. Суд Линча не принимает это во внимание! Но, если вы на пару минут выключите диктофон, я скажу вам. Можете считать это инструкцией. Вы читали у Рильке «Письма к молодому поэту»? Так вот, можете считать это письмом к юному терапевту.

Вот так, хорошо. Ручку тоже отложите, Эрнест. Положите ее на стол и просто послушайте меня. Вы хотите знать, как это действовало на меня? Красивая женщина, одержимая мной, которая каждый день мастурбирует, думая обо мне, умоляющая меня заняться с ней сексом, рассказывающая мне о своих фантазиях с моим участием – о том, как она размазывает по лицу мою сперму или добавляет ее в шоколадное печенье? И как, вы думаете, я себя при этом чувствовал? Посмотрите на меня! На костылях, все хуже передвигаюсь, уродлив – мое лицо сожрали морщины, мое тело дрябнет, разваливается на куски.

Я признаюсь в этом. Ничто человеческое мне не чуждо. Это начало заводить меня. Я думал о ней, одеваясь, в те дни, когда мы встречались с ней. Какую рубашку надеть? Она терпеть не могла широкие подтяжки – утверждала, что в них я выгляжу слишком самодовольным. Какой лучше использовать лосьон после бритья? «Royall Lyne» нравился ей больше, чем «Merpen», и я никак не мог решить, на котором из них остановиться. В большинстве случаев я брызгался «Royall Lyne». Однажды в своем теннисном клубе она встретила одного моего коллегу – тупица, страдающий нарциссизмом, который постоянно соперничал со мной. Она завела с ним разговор обо мне. Тот факт, что он имел какое-то отношение ко мне, подействовал на нее возбуждающе, и она тут же поехала к нему. Только представьте себе, этот простак ложится в постель с потрясающей женщиной, не зная, что это происходит благодаря мне. А я не могу сказать ему об этом. Я чуть не лопнул от смеха.

Но испытывать сильные чувства к пациенту – это одно, а вот дать им волю – это совсем другое. И я боролся с этим. Я постоянно занимался самоанализом, не раз консультировался с несколькими друзьями и пытался решить эту проблему во время наших сеансов. Снова и снова я говорил ей, что никогда, ни в коем случае я не буду заниматься с ней сексом и что если я сделаю это, то навсегда упаду в собственных глазах. Я убеждал ее, что хороший заботливый терапевт ей значительно нужнее, чем стареющий любовник-калека. Но я знал, как сильно ее тянет ко мне. Я говорил ей, что не хочу, чтобы она сидела рядом со мной, потому что физический контакт возбуждает меня и снижает мою эффективность в качестве терапевта. Я занимал авторитарную позицию, настаивая на том, что

моя способность видеть ситуацию в перспективе развита намного лучше, чем ее, и что о терапии я знаю то, чего она пока знать не может.

Да, да, можете включить диктофон. Полагаю, я ответил на ваш вопрос относительно моих чувств. Итак, это продолжалось больше года, перемежаясь с прорывающимися симптомами. Она не раз срывалась, но в целом наши дела шли довольно хорошо. Я знал, что это ей не поможет. Я всего лишь «сдерживал» ее, обеспечивая сдерживающую среду, обеспечивая ей безопасность от сеанса к сеансу. Но понимал, что время уходит: она стала тревожной и выглядела уставшей.

А однажды она пришла совершенно изможденная. На улицах появилась какая-то новая, очень чистая дурь, и она сказала, что едва борется с желанием попробовать. «Я больше не могу жить этой жизнью, в которой встречаю одни лишь разочарования, – сказала она. – Я из кожи вон лезу, чтобы справиться с этим, но мой запас прочности подходит к концу. Я знаю себя, и я знаю, как я устроена. Вы спасаете мне жизнь, и я хочу работать с вами. Думаю, я способна на это. Но мне нужен стимул! Да, да, Сеймур, я знаю, что вы мне сейчас скажете, я уже наизусть все это знаю. Вы собираетесь начать убеждать меня, что у меня уже есть стимул, что мой стимул – это лучшая жизнь, лучшее отношение к себе и самочувствие, самоуважение, это жизнь без попыток убить себя. Но этого недостаточно. Это все слишком далеко. Слишком неопределенно. Мне нужно что-то, что я могу потрогать. Мне необходимо что-то вещественное!»

Я начал говорить что-то успокаивающее, но она оборвала меня. Ее отчаяние достигло пика, и она бросилась ко мне с отчаянной мольбой: «Сеймур, поработай со мной. По-моему. Умоляю тебя. Если я продержусь весь год пустая – ты понимаешь, о чем я, – без наркотиков, без рвоты, без историй в барах, без порезанных вен, безо всего такого – вознагради меня! Дай мне стимул! Обещай мне, что ты проведешь со мной неделю на Гавайях, и проведешь ее как мужчина с женщиной, а не как мозгоправ и психованная. Не надо улыбаться, Сеймур, я говорю серьезно – совершенно серьезно. Мне это необходимо. Сеймур, единственный раз ты можешь поставить мои потребности выше правил? Проработай это со мной».

Съездить с ней на неделю на Гавайи! Вы улыбаетесь, Эрнест; я тоже улыбался. Абсурд! Я поступил так, как, вероятно, поступили бы и вы: я высмеял эту идею. Я пытался отделаться от нее, как отделялся от всех ее предыдущих дурацких предложений. Но она не отказывалась от этой идеи. В ней появилась какая-то

зловещая настойчивость. И принуждение. Она не собиралась так просто отказываться от этой своей идеи. Я не мог отвлечь ее от этой мысли. Когда я заявил, что об этом и речи быть не может, Белль начала торговаться: она увеличила период своего хорошего поведения с года до полутора лет, предложила Сан-Франциско вместо Гавайев, а неделю урезала сначала до пяти, потом и до четырех дней.

Я вдруг поймал себя на том, что между сеансами, сам того не желая, обдумываю предложение Белль. Я ничего не мог с этим поделать. Я проигрывал его в уме. Полтора года – восемнадцать месяцев – хорошего поведения? Это невозможно. Это абсурд. Этого ей никогда не добиться. Зачем мы вообще тратим время на обсуждение этой идеи?

Но предположим – просто в порядке эксперимента, уговаривал я себя, – что она действительно способна изменить свое поведение на целых восемнадцать месяцев. Попробуйте эту мысль на вкус, Эрнест. Подумайте об этом. Обдумайте такую возможность. Разве вам не кажется, что если эта импульсивная, склонная к срывам женщина способна взять себя под контроль, на целых восемнадцать месяцев сделать свое поведение более эгосинтоничным, отказаться от наркотиков, от вскрытия вен, от всех форм саморазрушения, то по истечении этого срока она уже не будет прежней?

Что? «Игры, в которые играют пациенты в пограничном состоянии?» Что вы сказали? Эрнест, вы никогда не сможете стать настоящим терапевтом, если будете так думать. Как раз об этом я говорил вам, когда рассказывал об опасностях диагностики. Есть границы, и есть пограничные состояния. Ярлыки – это насилие над людьми. Вылечить ярлык ты не можешь, тебе приходится лечить человека, на которого этот ярлык повешен. И снова я спрашиваю вас, Эрнест: согласились ли бы вы, чтобы этот человек – не этот ярлык, а эта Белль, существо из плоти и крови, – претерпел радикальные внутренние изменения, чтобы она в течение восемнадцати месяцев вела себя принципиально иначе?

Вы бы на это не пошли? Не могу вас за это винить, принимая во внимание ваше положение на данный момент. И диктофон. Но просто ответьте себе на этот вопрос, не говорите ничего. Нет, позвольте мне ответить за вас: я не верю, что на этом свете можно найти терапевта, который бы не согласился с тем, что, если импульсивность перестанет определять поведение Белль, она станет совершенно иным человеком. У нее появятся другие ценности, другие приоритеты, сформируется другое видение мира. Она очнется, откроет глаза,

увидит реальный мир, может, ей откроются ее красота и достоинство. И она увидит меня в другом свете, увидит таким, каким, наверное, видите меня вы: ковыляющий, покрывающийся плесенью старик. Когда она увидит реальность, ее эротический перенос, некрофилия пропадут, а с ними, разумеется, интерес в гавайском предприятии.

Что, простите? Буду ли я скучать по эротическому переносу? Расстроит ли меня его исчезновение? Конечно! Вне всякого сомнения! Мне нравится обожание. А кому не нравится? Разве вам – нет?

Да ладно вам, Эрнест! Неужели? Разве вы не получаете удовольствие от аплодисментов, которыми публика встречает окончание вашего доклада? Неужели вам не нравится, что люди, особенно женщины, толпятся вокруг вас?

Хорошо. Ценю вашу честность. Стыдиться здесь нечего. А кто этого не любит? Так уж мы устроены. Так что мне будет не хватать ее обожания, это будет тяжелая утрата. Но так это и происходит. Это моя работа: вернуть ее к реальной жизни, помочь ей вырасти, перерасти меня. Даже, господи спаси, забыть меня.

Итак, шли дни, недели, и предложенная Белль сделка все больше и больше интриговала меня. Она предлагала продержаться «пустой» восемнадцать месяцев. И, как вы помните, это было только начало торгов. Я умею вести переговоры, и я был уверен, что смогу увеличить срок, добиться более выгодных для себя условий, даже поставить новые. Полностью закрепить изменения. Я думал, какие условия я могу выдвинуть со своей стороны: возможно, стоит заставить ее пройти групповую психотерапию или же приложить максимум усилий и попытаться уговорить ее обратиться вместе с мужем к семейному терапевту.

День и ночь я думал над предложением Белль. Я просто не мог выкинуть эти мысли из головы. Я азартен, и в этой игре мои шансы на успех были поистине фантастическими. Если Белль проигрывает пари, если она срывается – возвращается к наркотикам, к рвоте, к охоте в барах, снова режет вены – то я ничего не теряю. Мы просто возвращаемся туда, откуда начали. Даже если у меня в распоряжении окажутся всего несколько недель или месяцев абстиненции, я смогу извлечь из этого пользу. А если Белль выиграет, она изменится настолько, что не станет требовать с меня свой приз. Это была верная игра. Нулевой риск при худшем раскладе, а при лучшем я имел все шансы спасти эту женщину.

Мне всегда нравились карточные игры с большими ставками, я играл на скачках, делал ставки на все, что угодно, – футбол, баскетбол. После школы я ушел на флот, и на деньги, выигранные там в покер, я жил на протяжении всей учебы в колледже. Когда я был интерном в Маунт-Синай в Нью-Йорке, большинство свободных ночей я проводил в отделении акушерства и гинекологии, где мы с дежурными акушерами с Парк-авеню играли на большие деньги. Прекрасные врачи – все до одного, но в покере полные профаны. Знаете, Эрнест, интернам тогда платили сущие гроши, так что к концу года все остальные интерны завязли в долгах по уши. А я? А я поехал к себе в Анн-Арбор на новеньком «De Soto» с откидным верхом – собственности акушеров с Парк-авеню.

Но вернемся к Белль. Несколько недель я раздумывал над ее предложением, а потом в один прекрасный день решился. Я сказал Белль, что понимаю ее потребность в стимулировании, и начал серьезные переговоры. Я настаивал на двух годах. Она была так благодарна мне за то, что я принял ее всерьез, что согласилась на все мои условия, и мы быстро пришли к четкой, конкретной договоренности. Ее задача в этой сделке заключалась в том, чтобы в течение двух лет оставаться абсолютно пустой: никаких наркотиков (в том числе и алкоголя), никаких порезанных вен, рвоты, никаких случайных сексуальных партнеров, подцепленных в баре или на шоссе, а также других опасных сексуальных приключений. Ей разрешалось заводить цивилизованные романы. И никаких незаконных действий. Мне казалось, я учел все. А, да, еще она должна была начать посещать терапевтическую группу и пообещала вместе с мужем записаться на семейную психотерапию. Моя часть сделки предполагала уик-энд в Сан-Франциско. Все детали – отель, развлечения – я оставлял на ее усмотрение – карт-бланш. Я должен был быть весь к ее услугам.

Белль отнеслась к нашему договору крайне серьезно. По окончании переговоров она предложила скрепить его формальной клятвой. Она принесла Библию, и мы оба поклялись в том, что выполним свою часть контракта. После чего мы торжественно пожали друг другу руки в знак согласия.

Терапия шла своим ходом. Мы с Белль встречались где-то два раза в неделю. Лучше бы, конечно, три, но ее муж начал высказывать недовольство счетами за психотерапию. Белль держала слово, и нам не приходилось тратить время на анализ ее «срывов», терапевтический процесс ускорился и стал более глубоким. Сны, фантазии – все казалось более достигаемым. Впервые я увидел в ней проблески любопытства к самой себе. Она записалась в какой-то университет на курс углубленного изучения психопатологии и начала писать биографию,

рассказывая о своем прошлом. Понемногу она вспоминала подробности событий своего детства, как она искала себе новую маму в веренице равнодушных гувернанток, большинство из которых не задерживались больше чем на несколько месяцев из-за фанатичной любви ее отца к чистоте и порядку. Его фобический страх перед микробами регулировал все аспекты ее жизни. Только представьте: до четырнадцати лет она не ходила в школу, находясь на домашнем обучении, потому что он боялся, что она принесет домой каких-нибудь микробов. Поэтому у нее было мало близких друзей. Ей редко удавалось даже перекусить с друзьями: отец запрещал Белль есть вне дома, а она ужасно стеснялась приглашать друзей к себе из-за отцовских причуд: перчатки, мытье рук перед каждой сменой блюд, проверка рук прислуги на чистоту. Ей не разрешалось брать почитать книги, а одну гувернантку отец уволил после того, как узнал, что она позволила Белль поменяться с подругой на день платьями. В четырнадцать ее детство и жизнь с отцом кончились: ее отправили в школу-пансионат в Гренобле. С тех пор она лишь изредка встречалась с отцом, который вскоре снова женился. Его новая жена была красивой женщиной, но бывшей проституткой. По крайней мере, так заявила ее тетушка – старая дева, которая сказала, что новая жена отца Белль – лишь одна из сотен шлюх, которые были у него за последние четырнадцать лет. Может быть, предположила Белль, и это была ее первая интерпретация за всю историю нашей терапии, он казался себе грязным, и вот почему он постоянно мылся и не позволял своей коже соприкоснуться с ее.

Тогда Белль заводила речь о нашей сделке только для того, чтобы сказать, как она мне благодарна. Она говорила, что это «самое мощное подтверждение» из всех, что она когда-либо получала. Она знала, что эта сделка – мой подарок ей, который, в отличие от тех «подарков», что доставались ей от других мозгоправов – слов, интерпретаций, обещаний, «терапевтического сопровождения» – был реальным, его можно было потрогать. Кожа к коже. Это было осязаемое доказательство того, что я полностью посвятил себя помощи ей. И доказательством моей любви. Никогда еще, говорила она, никогда раньше ее никто так не любил. Никто никогда не ставил ее интересы прежде своих, выше правил. Уж конечно, не ее отец, который ни разу не подал ей руки без перчатки и до самой своей смерти десять лет назад посылал ей на день рождения один и тот же подарок – пачку сто долларовых банкнот, по одной на каждый год ее жизни, но тщательно вымытых и проглаженных.

Сделка имела и другой смысл. Моя готовность попать правила доставила ей удовольствие. Что ей больше всего во мне нравилось, так это, как она говорила, моя готовность идти на риск, открытый доступ к моей тени. «В тебе тоже есть

что-то испорченное, темное, – говорила она мне. – Вот почему ты так хорошо меня понимаешь. Иногда мне кажется, что мы с тобой – братья по разуму».

Знаете, Эрнест, может быть, именно поэтому мы так быстро поладили: она сразу поняла, что я – именно тот терапевт, который ей нужен. Что-то непослушное в моем лице, некий огонек непочтительности в моих глазах. Белль была права. Она углядела это. Она была умной девочкой.

И знаете, я прекрасно понимал, что она хочет этим сказать, – прекрасно! Я точно так же замечаю подобное в других людях. Эрнест, будьте добры, буквально на секунду выключите диктофон. Вот так. Благодарю вас. Я просто хотел сказать, что вижу это в вас. Мы с вами, хоть и сидим по разные стороны этого помоста, этого судебного стола, мы чем-то похожи. Я уже говорил вам, что я хороший физиономист. И я редко ошибаюсь в таких вещах.

Нет? Да ладно вам! Вы знаете, о чем я! Неужели не поэтому вы слушаете мой рассказ с таким интересом? Я даже вижу в вас нечто большее, что просто интерес! Не будет ли преувеличением сказать, что эта история завораживает вас? У вас глаза как блюдца. Да, Эрнест, вы и я. Вы могли бы повести себя так же в этой ситуации. Вы бы тоже могли заключить эту фаустовскую сделку.

Вы качаете головой. А как же! Но я не к вашей голове обращаюсь. Я целюсь прямо в ваше сердце, и придет время, когда вы позволите себе понять, что я говорил вам. Более того, вы, может быть, увидите себя не только во мне, но и в Белль. Нас трое. И мы не так уж сильно отличаемся друг от друга! Ладно, хватит об этом, давайте вернемся к делу.

Подождите! Пока вы не включили свой диктофон, Эрнест, позвольте мне сказать вам еще кое-что. Как вы думаете, меня волнует комитет по этике? Что они могут сделать? Отнять у меня привилегии посещения клиники? Мне семьдесят, моя карьера окончена, и я прекрасно это понимаю. Так зачем я рассказываю вам все это? В надежде, что из этого выйдет какая-нибудь польза. В надежде, что вдруг вы позволите частичке меня проникнуть в вас, циркулировать в ваших венах, позвольте мне учить вас. Помните, Эрнест, я говорил о том, что у вас есть доступ к собственной Тени? Это положительное качество. Я хотел этим сказать, что у вас есть храбрость и широта духа, которые позволят вам стать великим терапевтом. Включите диктофон, Эрнест. Прошу вас, не отвечайте, в этом нет необходимости. В семьдесят лет ответы уже не нужны.

Итак, на чем мы остановились? Итак, прошел первый год, и состояние Белль явно улучшилось. Ни одного «срыва». Она была совершенно пуста. Теперь она меньше требовала от меня. Иногда она просила меня сесть рядом с ней, тогда я обнимал ее за плечи, и мы сидели так несколько минут. Это всегда помогало ей расслабиться и делало ее участие в терапевтическом процессе более продуктивным. В конце сеансов я, как и прежде, по-отечески обнимал ее, и она обычно в ответ оставляла на моей щеке сдержанный дочерний поцелуй. Ее муж отказался участвовать в семейной терапии, но согласился встретиться несколько раз с представителем «Христианской науки». Белль говорила, что их отношения начали налаживаться, и они оба, кажется, были довольны этим.

Прошло шестнадцать месяцев, и все было в порядке. Она не принимала героин, она вообще не принимала наркотики, не резала руки; не было приступов рвоты, булимии, самодеструктивного поведения в том или ином виде. Она заинтересовалась некоторыми нетрадиционными течениями: терапевтическая группа, специализирующаяся на прошлых жизнях, питание водорослями – все это типичная калифорнийская мишура, совершенно безвредная. Они с мужем возобновили сексуальные отношения, плюс она устроила небольшую интрижку с одним моим коллегой. Она встретила этого остолопа-мозгоправа в теннисном клубе. Но, по крайней мере, это был безопасный секс, не сравнить с теми эскападами в барах и на шоссе.

Это был самый эффектный терапевтический переворот, который мне только доводилось видеть. Белль говорила, что она никогда не была так счастлива. Заклинаю вас, Эрнест, используйте ее в любом своем пост-исследовании. Эта пациентка будет звездой! Сравните результат, которого она добилась, с результатами любой антинаркотической терапии – рисперидон, прозак, паксил, эффектор, велбутрин... Да что я вам рассказываю. И все это в подметки не годится нашей терапии. Это самый мой лучший терапевтический курс, но я не могу написать об этом. Написать? Да я рассказать-то никому ничего не мог. До этого самого момента. Вы мой первый настоящий слушатель.

Где-то через полтора года наши сеансы начали проходить иначе. Сначала я ничего не замечал. Белль все чаще и чаще вставляла фразочки о нашем совместном уик-энде в Сан-Франциско, а потом стала говорить об этом во время каждой нашей встречи. Каждое утро она проводила лишний час в постели, погруженная в фантазии о том, каким он будет, этот уик-энд: как она будет спать в моих объятиях, звонить и заказывать завтрак в номер, ездить на ленч в Саусалито, а днем можно будет вздремнуть. В ее фантазиях мы были женаты,

она ждала меня по вечерам. Она утверждала, что счастливо прожила бы остаток дней своих, если бы знала, что я вернусь к ней, домой. Ей не нужно было проводить со мной много времени, она согласилась бы и на роль второй жены, чтобы проводить со мной час-другой в неделю, – и с этим она могла бы жить долго и счастливо, в добром здравии.

Так что, как нетрудно себе представить, я уже начинал немножко нервничать. А потом нервничать сильнее. Я начал борьбу. Я изо всех сил старался заставить ее взглянуть в лицо реальности. Почти на каждом сеансе я вспоминал про свой возраст. Года через три-четыре я пересяду в инвалидную коляску. Через двадцать лет мне исполнится девяносто. Я спрашивал, сколько, по ее мнению, я еще проживу. Мужчины в моей семье умирают рано. Я уже пережил своего отца на пятнадцать лет. Она переживет меня, как минимум, на двадцать пять лет. В ее присутствии я даже делал вид, что моя неврология находится в значительно худшем состоянии. Однажды я симитировал приступ – вот до чего довело меня отчаяние. А у стариков мало сил, не уставал повторять я. В половине девятого я уже сплю, говорил я ей. Последний раз я смотрел десятичасовые новости пять лет назад. А еще у меня слабеет зрение, у меня бурсит плеч, расстройство пищеварения, простатит, метеоризм, запоры... Я даже подумываю приобрести слуховой аппарат.

Но я совершал ужасную ошибку. Я был на сто восемьдесят процентов не прав! Это лишь еще больше возбуждало ее. Она была одержима извращенной идеей о моей неспособности и недееспособности. В ее фантазиях меня разбивал инфаркт, от меня уходила жена, а она перебиралась ко мне, чтобы взять на себя заботу обо мне. Одна из ее любимых фантазий заключалась в том, что она ухаживала за мной: заваривала мне чай, мыла меня, меняла постельное белье и пижамы, посыпала меня тальком, а потом раздевалась и, забравшись под прохладные простыни, ложилась рядом со мной.

Через двадцать месяцев улучшение состояния Белль стало еще более заметным. Она по собственной инициативе вступила в Ассоциацию анонимных наркоманов и посещала три собрания в неделю. В качестве волонтера она рассказывала девочкам-подросткам в школах гетто о контроле над рождаемостью и профилактике СПИДа, а в местном университете записалась на курс MBA [6 - Master of Business Administration. Мастер делового администрирования, программа подготовки менеджеров высшего управленческого звена.]. Что вы сказали, Эрнест? Откуда я знал, что она говорит мне правду? Знаете, Эрнест, я никогда не сомневался в ее искренности. Я знал, что она не подарок, но ее

честность, по крайней мере в отношениях со мной, казалась чуть ли не компульсивной. В самом начале нашей совместной работы – кажется, я уже говорил об этом – мы заключили договор о взаимной и абсолютной честности. Пару раз в течение первых недель терапии она замалчивала некоторые совсем уж неприглядные эпизоды из ее сексуальных походов, но скрыть их до конца она так не сумела. Она начинала сходить с ума, была уверена, что я способен читать ее мысли и откажусь с ней работать. Каждый раз она даже не могла дождаться следующего сеанса, чтобы признаться мне в этом, и звонила мне по телефону, однажды даже за полночь.

Но это хороший вопрос. Слишком многое стояло на кону, чтобы просто принять ее слова за чистую монету, поэтому я сделал то, что сделали бы вы: я проверил все, что мог. Тогда я пару раз встречался с ее мужем. Он отказался от терапии, но предложил поучаствовать в наших сеансах, чтобы ускорить ее выздоровление. И сделал все, что обещал. Он даже разрешил мне встретиться с представителем «Христианской науки», женщиной, которая, как ни забавно, получила степень доктора философии в клинической психологии и читала мою книгу. Она также подтвердила историю Белль: упорно работает над проблемами брака, не режет себе руки, не употребляет наркотики, занимается добровольной общественной деятельностью.

А как бы вы поступили в подобной ситуации, Эрнест? Что? Вы бы вообще в ней не оказались? Да, да, я знаю. Самый простой ответ. Вы разочаровали меня, Эрнест. Скажите мне, Эрнест, если бы вы не были здесь, где бы вы были? В своей лаборатории? Или в библиотеке? Вы были бы в безопасности. Вам было бы хорошо и комфортно. А где был бы пациент? На том свете, вот где! Вы такой же, как те двадцать терапевтов, что лечили Белль до меня, – все они выбрали этот безопасный маршрут. Но я терапевт другого типа. Я спаситель потерянных душ. Я против отказов от пациентов. Я сверну себе шею, выжму из себя все соки, я пойду на все, чтобы вытащить пациента, спасти его. И так я поступал на протяжении всей своей терапевтической карьеры. Знаете, какая у меня репутация? Спросите у людей. Спросите у своего председателя. Он-то знает. Он отправил ко мне десятки пациентов. Я – последняя надежда терапии. Терапевты передают мне пациентов, с которыми они уже бессильны что-либо сделать. Киваете? Вы слышали обо мне? Это хорошо. Хорошо, что вы знаете, что я не просто какой-то там слабоумный маразматик.

Так что попытайтесь встать на мое место! Что мне оставалось делать? Я начал нервничать. Я перепробовал все: интерпретировал как сумасшедший, словно от

этого зависела вся моя жизнь. Я интерпретировал все, что движется.

К тому же меня начали раздражать ее иллюзии. Например, ее сумасшедшая мечта о том, что мы поженимся и она всю свою жизнь, неделю за неделей, будет в непреходящем воодушевлении ждать меня, чтобы провести вместе час-другой. «Что это за жизнь и что это за отношения?» – спросил я. Это не взаимоотношения, это шаманизм какой-то. Только представьте себя на моем месте. Я думал: и что, по ее мнению, я буду иметь при таком раскладе? Вылечу ее часом своего присутствия? Это невозможно. Разве это связь? Нет! Мы оба общались с воображаемыми, нереальными образами. Она возвела меня в статус иконы. У нее была навязчивая идея – сделать мне минет и проглотить мою сперму. То же самое. Нереально. Она чувствовала пустоту внутри себя и хотела, чтобы я наполнил ее своей спермой. Неужели она не понимала, что делает? Неужели не понимала, что нельзя обращаться с символами так, словно они были конкретной реальностью? Интересно, сколько времени потребовалось бы, по ее расчетам, чтобы мои плевочки спермы наполнили ее? За несколько минут соляная кислота в ее желудке превратила бы их в разрозненные кусочки цепи ДНК.

Белль мрачно кивала, выслушивая бурный поток моих интерпретаций. Ее попечитель из Ассоциации анонимных наркоманов научил ее вязать, и в последние недели она трудилась над украшенным витым орнаментом свитером, который я должен буду носить во время нашего совместного уик-энда. Я никак не мог переубедить ее. Да, она соглашалась, что тратит свою жизнь на пустые фантазии. Возможно, она действительно пытается найти архетип мудрого старика. Но неужели это так плохо? Помимо программы МВА она слушала курс антропологии и читала «Золотую ветвь» [7 - Книга известного антрополога Джеймса Фрезера. – Прим. ред.]. Она напомнила мне, что большая часть человечества живет, принимая такие иррациональные понятия, как тотем, реинкарнация, рай и ад, а также целебный эффект терапевтического переноса и обожествление Фрейда. «Что работает, то работает, – сказала она, – а мысль о том, что мы проведем уик-энд вместе, работает. Это было лучшее время в моей жизни; мне кажется, что мы женаты. Словно я жду тебя и знаю, что скоро ты вернешься домой, ко мне; это придает мне сил, это наполняет смыслом мою жизнь». И вернулась к своему вязанию. Этот чертов свитер! Мне так хотелось вырвать его у нее!

Когда мы перевалили за двадцать два месяца, я начал бить панику. Я потерял самообладание, я пытался добиться своего мольбами, лестью, лаской. Я читал ей

лекции о любви. «Ты говоришь, что любишь меня, но любовь – это связь, это отношения, любовь – это забота о партнере, забота о его росте, о самом его существовании. Ты когда-нибудь заботилась обо мне? Ты когда-нибудь задумывалась над тем, что я чувствую? Ты когда-нибудь думала о том, что меня терзает чувство вины, что мне страшно? Задумывалась ли ты, как влияет на мое чувство собственного достоинства мысль о том, что я поступаю неэтично? Или о том, как это скажется на моей репутации? О том, что под угрозой окажется не только мое профессиональное реноме, но и мой брак?»

«Сколько раз, – ответила Белль, – ты напоминал мне, что мы – два индивида, вступившие в межличностный контакт, – ни больше ни меньше? Ты просил меня верить тебе, и я поверила тебе – поверила первый раз за всю свою жизнь. Поверь теперь ты мне. Это будет нашим секретом. Я унесу его с собой в могилу. Что бы ни случилось. Никогда! Что касается чувства собственного достоинства, чувства вины и профессионального реноме... что может быть важнее того факта, что ты лекарь, что ты лечишь меня? Неужели для тебя важнее правила, репутация, этика?» Вы бы смогли на это ответить, Эрнест? Я не смог.

Иногда она делала тонкие, но зловещие намеки на возможность того, что я сбегу, не уплатив по счетам, и не выполню условия нашего соглашения. Она жила в ожидании этого уик-энда два года вместе со мной. Сумеет ли она снова поверить кому-нибудь в этой жизни? Терапевту? Да кому угодно! У меня будут причины чувствовать себя виноватым, сообщила она мне. Ей и не надо было ничего мне объяснять. Я прекрасно понимал, чем будет для нее мое предательство. Более двух лет у нее не было само деструктивных симптомов, но я не сомневался в том, что она не разучилась это делать. Говоря без обиняков, если бы я не выполнил данное Белль обещание, она покончила бы с собой. Я все еще пытался выбраться из этой западни, но крылышки мои дергались все слабее и слабее.

«Мне семьдесят, тебе тридцать четыре, – говорил я ей. – Мы с тобой в одной постели – в этом есть что-то противоестественное».

«Чаплин, Киссинджер, Пикассо, Гумберт Гумберт и Лолита», – ответила она, не удосужившись даже оторваться от своего вязания.

«Ты доводишь ситуацию до абсурда, – говорил я ей. – Все это так раздуто, так преувеличенно, так далеко от реальности. Этот уик-энд не может не разочаровать тебя, он похоронит твои мечты».

«Разочарование – лучшее, что может произойти, – ответила она, – ты же понимаешь. Кончится моя одержимость тобой, исчезнет, как ты выражаешься, «эротический перенос». А это призовое очко в нашей терапии».

Я продолжал подлизываться к ней. «Кроме того, в моем возрасте потенция угасает».

«Сеймур, – ворчала она. – Ты меня удивляешь. Неужели ты все еще не понял, неужели ты все еще не уяснил для себя, что меня не интересует твоя потенция, мне не так важен секс с тобой? Единственное, что мне нужно, – это чтобы ты был рядом, обнимал меня – как человека, как женщину. Не как пациента. К тому же, Сеймур, – с этими словами она подняла к лицу наполовину связанный свитер, бросила на меня застенчивый взгляд и произнесла: – Я собираюсь устроить тебе лучший секс в твоей жизни!»

А потом время вышло. Прошло двадцать четыре месяца, и мне не оставалось ничего, кроме как заплатить по счетам. Если я не сделаю это, последствия будут катастрофическими. С другой стороны, если я сдержу слово? Кто знает? Может, она права и это действительно разрушит наваждение? К тому же в отсутствие эротического переноса освободившаяся энергия будет направлена на ее мужа, она сможет лучше к нему относиться. Она сохранит веру в терапию. Через пару лет я уйду на покой, и она перейдет к другому терапевту. Может, уик-энд с Белль в Сан-Франциско станет актом высшей терапевтической агапэ[8 - Разновидность любви, ее наивысший, истинно альтруистичный вид. В отличие, например, от эроса (эротической любви) агапэ обладает жертвенным характером, в том смысле, что человек жертвует собой, отдает все свои силы, всего себя. Агапэ создает условия для формирования совершенных взаимоотношений.].

Что, Эрнест? Мой контрперенос? С вами было бы то же самое: он нарастал в бешеном темпе. Я пытался не позволить ему повлиять на мое решение. Я не позволял контр-переносу контролировать свои действия. Я был уверен, что у меня не было иного разумного выбора. И я до сих пор придерживаюсь этого мнения – даже в свете дальнейших событий. Но признаюсь вам честно: эта идея захватила меня. Вот он я, старик, стоящий одной ногой в могиле. Корковые нейроны мозжечка вымирают, зрение падает, сексуальная жизнь не существует в принципе – у моей жены отлично получалось бросать, вот и заниматься сексом она бросила давным-давно. Что я чувствовал к Белль? Не буду отрицать:

я обожал ее. Когда она сказала, что собирается устроить мне лучший секс в моей жизни, я услышал, как мои изношенные гонадные[9 - Относящиеся к половым железам. – Прим. ред.] механизмы завелись и с треском заработали. Но я хочу сказать вам – и вот этому диктофону, – причем сказать так, чтобы это прозвучало максимально убедительно: не этот фактор заставил меня пойти до конца! Вам и вашему комитету по этике, наверное, нет до этого дела, но для меня это вопрос жизни и смерти. Я не нарушил договор с Белль. Я не нарушил ни единой договоренности с любым другим моим пациентом. Я никогда не ставил свои потребности выше их.

Чем кончилась эта история? Думаю, остальное вам известно. Все здесь, в вашей карте. Мы с Белль встретились в Сан-Франциско утром с субботу, позавтракали в «Mamas» на Норт Бич, и расстались только вечером в воскресенье. Мы решили сказать нашим супругам, что я назначил на выходные группу-марафон для своих пациентов. Раз или два в год я провожу такие групповые сеансы для десяти-двенадцати пациентов. Белль даже посетила один из них в первый год терапии.

Вы когда-нибудь вели такую группу, Эрнест? Нет? Поверьте мне, это мощное оружие... здорово ускоряет терапию. Вы должны знать, что это такое. Когда мы с вами в следующий раз встретимся – а я уверен, что мы обязательно встретимся, но на этот раз уже в других обстоятельствах, – я подробно вам о них расскажу. Я вел их тридцать пять лет.

Но вернемся к этому уик-энду. Нечестно было бы столько рассказать вам и утаить кульминацию. Посмотрим, что я могу вам сказать... Что я хочу вам сказать. Я пытался сохранить достоинство, я пытался остаться в роли терапевта, но продержался я недолго. Белль позаботилась об этом. Она взялась за меня, как только мы поселились в «Фейрмонте», и скоро, очень скоро мы уже были просто мужчиной и женщиной, и все, о чем говорила Белль, сбылось.

Не буду лгать вам, Эрнест. Я наслаждался каждой минутой этого уик-энда, большую часть которого мы провели в постели. Я боялся, что все мое хозяйство проржавело за долгие годы бездействия, но Белль была мастером в этом деле – там нажать, там потянуть, и все заработает.

Три года я упрекал Белль за жизнь в мире иллюзий и навязывал ей свою реальность. Теперь на два дня я вошел в ее мир и увидел, что жизнь в волшебном царстве не так уж и плоха. Она была моим молодильным зельем. Час за часом я становился все моложе, все сильнее. Я лучше ходил, я обманул свой

желудок, я казался выше и стройнее. Мне хотелось рычать! И Белль это заметила: «Именно это и было тебе нужно, Сеймур. Именно это – и только это я хотела от тебя – обнимать меня, позволить мне обнимать тебя, подарить тебе мою любовь. Пойми, я полюбила в первый раз в своей жизни! Неужели это так ужасно?»

Она много плакала. Вместе со всеми другими каналами у меня открылись и слезные, так что я плакал вместе с ней. Я так много получил от нее за эти два дня. Будучи терапевтом, я всегда давал, и первый раз я получил отдачу – самую настоящую отдачу. Словно она расплатилась со мной за всех пациентов, с которыми я когда-либо работал.

А потом мы вернулись в реальность. Уик-энд закончился. Мы с Белль вернулись к нашим сеансам два раза в неделю. Я и представить себе не мог, что проиграю это пари, поэтому не планировал, как я буду строить терапию после этого уик-энда. Я пытался работать как обычно, но через пару сеансов столкнулся с проблемой. С серьезной проблемой. Любовники не могут вернуться к формальным отношениям. Несмотря на все мои усилия, любовные игры заменили собой серьезную терапевтическую работу. Иногда Белль требовала взять ее на колени. Она постоянно обнимала меня, ласкала, трогала. Я пытался осадить ее, я пытался быть серьезным, блюсти профессиональную этику, но давайте посмотрим правде в глаза – это уже была не терапия.

Я объявил остановку и торжественно объявил, что у нас есть два пути: либо мы возвращаемся к серьезной работе, что предполагало возвращение к несексуальным и более традиционным отношениям, либо мы прекращаем притворяться, что занимаемся психотерапией, и пытаемся построить исключительно социальные отношения. А «социальные» не означало сексуальные: я не хотел усложнять ситуацию. Как я уже говорил, я участвовал в написании директивы, запрещающей посттерапевтические сексуальные отношения между терапевтом и пациентом. Я также сообщил ей, что в связи с тем, что мы больше не занимаемся терапией, денег я с нее не возьму.

Ни один из этих вариантов Белль не устраивал. Возвращение к терапевтической формальности казалось фарсом. Согласитесь, кабинет психотерапевта – не самое удачное место для игр. А не играть в эти игры стало невозможно. Ее муж перенес офис домой и теперь постоянно находился там. Как она объяснит ему, куда уходит на два часа каждую неделю, если не будет регулярно выписывать чеки на психотерапию?

Белль упрекала меня за узкое понимание психотерапии. «Наши встречи – интимные, игривые, полные прикосновений, и любовь, настоящая любовь, которой мы занимаемся иногда на этой кушетке, – это и есть психотерапия. Причем качественная психотерапия. Почему ты не видишь этого, Сеймур? – спрашивала она меня. – Неужели эффективная терапия – плохая терапия? Неужели ты забыл, с каким пафосом рассказывал мне про «один важный вопрос в психотерапии»? Работает ли это? Разве в моем случае терапия не работает? Разве мое состояние ухудшается? Я не употребляю наркотики. Никаких симптомов. Заканчиваю аспирантуру. Я начинаю новую жизнь. Благодаря тебе, Сеймур, я изменилась, и все, что от тебя сейчас требуется, – это, как и раньше, проводить со мной два часа близости в неделю».

Белль была умной девочкой. И становилась все умнее и умнее. Я не мог представить ей контраргумент, доказать, что терапия была некачественной.

Но я знал, что это так. Мне слишком нравились наши отношения. Постепенно я начинал понимать, что я пропал, – но я слишком долго шел к этому пониманию. Любой, кто увидел бы нас, пришел бы к выводу, что я пользуюсь переносом и использую пациентку в свое собственное удовольствие. Или принял бы меня за высокооплачиваемого жиголо пенсионного возраста!

Я не знал, что делать. Разумеется, мне не к кому было обратиться за советом. Я знал, что они могут мне посоветовать, а такие проблемы были мне не нужны. Опять же, я не мог передать ее другому терапевту – она не согласилась бы. Но, честно говоря, я не особенно-то и настаивал. Я очень беспокоился. Правильно ли я поступил с ней? Я не спал несколько ночей, представлял себе, как она рассказывает про нас другому терапевту. Знаете, как терапевты любят пообсуждать между собой странности своих предшественников. Так что свежие сплетни про Сеймура Троттера – с пылу с жару – придутся им по вкусу. Но я не мог попросить ее защитить меня – если она будет хранить наши отношения в тайне, работа с другим терапевтом окажется саботированной.

Да, я был настороже, но, как бы то ни было, я и представить себе не мог, какая буря ждет меня впереди. Я оказался совершенно к ней не подготовлен. Однажды вечером я вернулся домой. Свет не горел, жены не было, зато на входной двери припилены четыре фотографии: на одной мы с Белль стоим перед регистрационной стойкой отеля «Фейрмонт», на другой мы с ней с чемоданами в руках заходим вместе в наш номер, на третьей был крупный план

регистрационного бланка отеля: Белль записала нас как доктора и миссис Сеймур. На четвертой мы с ней обнимаемся на фоне живописного моста Голден-Гейт.

На кухонном столе меня ждали два письма. В первом муж Белль предлагал моей жене ознакомиться с четырьмя фотографиями, которые могут ее заинтересовать. Она сможет своими глазами увидеть, каким конкретно способом ее муж лечит его жену. Он писал, что такое же письмо отправил в государственную комиссию по медицинской этике, а в конце начинались грязные угрозы: если я еще раз увижу Белль, то судебное разбирательство станет самой незначительной проблемой для семьи Троттер. Второе письмо было от моей жены – короткое и по сути. Она просила меня не затруднять себя объяснениями. Пообщаться я смогу с ее адвокатом. Она давала мне двадцать четыре часа на то, чтобы собрать вещи и освободить дом.

Вот мы и дошли до настоящего момента, Эрнест. Что еще я могу рассказать вам?

Как у него оказались эти фотографии? Вероятно, он нанял частного детектива, чтобы следить за нами. Какой парадокс – муж Белль решил бросить ее как раз тогда, когда она вылечилась! Но кто знает? Может, он уже давно хотел сделать это. Может, Белль просто высосала из него все соки.

Я больше никогда не видел Белль. Разве что старый приятель из клиники Пасифик Редвуд рассказал мне, какие слухи о ней ходят, – и, скажу я вам, не самые хорошие слухи. Муж развелся с ней и уехал из страны, прихватив все семейные сбережения. Он уже давно подозревал Белль в измене – с тех пор, как нашел презервативы в ее сумочке. Очередная злая шутка судьбы: в результате терапии ее фатальная самодеструктивность была взята под контроль, и она начала пользоваться презервативами.

Последнее, что я слышал: Белль сейчас в ужасном состоянии – все наши труды пошли прахом. Вся старая патология вернулась: две госпитализации после попыток самоубийства – сначала она вскрыла вены, потом была сильная передозировка. Она собирается убить себя. Я это знаю. Она обращалась к трем терапевтам, соблазнила всех троих, отказывается от дальнейшей терапии и снова принимает сильные наркотики.

А знаете, что самое страшное? Я знаю, что мог бы помочь ей, даже сейчас. Я уверен в этом, но суд запретил мне встречаться с ней, говорить с ней под угрозой строгого наказания. Она звонила мне несколько раз, но мой адвокат сообщил мне, что я нахожусь в крайне опасном положении, и если я не хочу оказаться в тюрьме, то мне лучше не отвечать Белль. С ней связался мой адвокат и сообщил, что я не имею права общаться с ней по предписанию суда. В конце концов она перестала звонить мне.

Что я собираюсь делать? Вы имеете в виду, с Белль? Сложный вопрос. Невозможность отвечать на ее звонки убивает меня, но я не люблю тюрьмы. Я знаю, что десяти-минутного разговора мне хватило бы, чтобы помочь ей. Даже сейчас. Не для записи – выключите свой диктофон, Эрнест. Не уверен, что я смогу вот так просто позволить ей умереть. Не уверен, что я смогу простить себе это.

Так что, Эрнест, вот и вся история. Finish. Честно скажу, не так я хотел закончить свою карьеру. Белль – главная героиня этой трагедии, но и для меня эта история обернулась катастрофой. Ее адвокаты требуют, чтобы она потребовала возмещения ущерба и вытрясла из меня все, что сможет. Они с ума сойдут от жадности: разбирательство по случаю злоупотребления служебным положением начинается через пару месяцев.

Подавлен! Разумеется, я подавлен. А как же? Я называю это оправданной депрессией: я жалкий печальный старик. Раздавленный, одинокий, сомневающийся в себе, доживающий свои дни в позоре.

Нет, Эрнест, с этой депрессией лекарства не справятся. Это другой случай. Биологические маркеры отсутствуют: нет ни психомоторных симптомов, ни бессонницы, ни потери веса – ничего подобного. Спасибо за предложение.

Нет, у меня нет суицидальных импульсов, хотя я и говорил, что погружаюсь в темноту. Но я выживу. Я уползу в чулан и буду зализывать там свои раны.

Да, я чувствую себя очень одиноким. Мы с женой прожили вместе много лет, привыкли друг к другу. Работа всегда была для меня на первом месте, а супружеская жизнь уходила на второй план. Жена говорила, что мою потребность в близости в полной мере удовлетворяют пациенты. И была права. Но не поэтому она ушла. Атаксия прогрессирует, и я не думаю, что перспектива

ухаживать за мной до конца моих дней улыбалась ей. Сдается мне, она с радостью ухватилась за возможность отделаться от меня. И я не могу винить ее за это.

Нет, я не нуждаюсь в терапевтической помощи. Я же говорю, у меня нет клинических проявлений депрессии. Благодарю за предложение, Эрнест, но из меня вышел бы сварливый, придирчивый пациент. Так что, как я уже говорил, я сам зализываю свои раны, и у меня отлично это получается.

Нет, я не имею ничего против. Можете звонить, я расскажу вам, как идут дела. Тронут вашим предложением, Эрнест. Но не стоит беспокоиться. Я крепкий орешек, поверьте мне. Со мной все будет в порядке».

С этими словами Сеймур Троттер взял трости и вышел, ковыляя, из комнаты. Эрнест сидел неподвижно, слушая, как в диктофоне заканчивается пленка.

Когда Эрнест позвонил доктору Троттеру через пару недель, тот снова заверил его, что не нуждается в помощи. Через несколько минут ему удалось перевести разговор на будущее Эрнеста: Сеймур снова принялся убеждать Эрнеста, что, каким бы одаренным психофармакологом он ни был, его призвание в другом: Эрнест – прирожденный психотерапевт, он просто обязан следовать зову судьбы. Он предложил Эрнесту обсудить этот вопрос за ленчем, но тот отказался.

«Простите, не подумал. – В голосе доктора Троттера не было и следа иронии. – Извините меня. Сначала я рекомендую сменить поле деятельности, а потом тут же предлагаю скомпрометировать себя, поставить под угрозу будущую карьеру появлением со мной на людях».

«Нет, Сеймур. – Эрнест первый раз назвал его по имени. – Причина вовсе не в этом. Дело в том – и мне стыдно говорить вам об этом, – что я уже пообещал быть экспертным свидетелем на разбирательстве вашего дела по злоупотреблению служебным положением».

«Вам нечего стыдиться. Это ваш долг. На вашем месте я поступил бы точно так же. Наше положение настолько уязвимо, опасности подстерегают нас повсюду. Наш долг – защищать профессию, поддерживать стандарты на высоком уровне.

Даже если вы не поверили ни единому моему слову, поверьте хотя бы в то, что я высоко ценю эту работу. Я посвятил психотерапии всю свою жизнь. Вот почему я рассказал вам свою историю во всех подробностях, – я хотел, чтобы вы знали, что это не история о предательстве. Я действовал из благих побуждений. Знаю, это кажется абсурдным, но даже сейчас я думаю, что поступил правильно. Иногда судьба ставит нас в такие ситуации, где поступить правильно – значит ошибиться. Я никогда не предавал ни свою профессию, ни пациентов. Что бы ни уготовило нам будущее, поверьте мне, Эрнест. Я верю в то, что сделал: я никогда не предаю пациента».

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Религиозная система, разработанная в США Мэри Бейкер Эдди (1821–1910). – Прим. ред.

2

До свидания (японск.). – Прим. ред.

3

До свидания (нем.). – Прим. ред.

4

Терпимость, способность переносить. – Прим. ред.

5

Нарушение координации движений. – Прим. ред.

6

Master of Business Administration. Мастер делового администрирования, программа подготовки менеджеров высшего управленческого звена.

7

Книга известного антрополога Джеймса Фрезера. – Прим. ред.

8

Разновидность любви, ее наивысший, истинно альтруистичный вид. В отличие, например, от эроса (эротической любви) агапэ обладает жертвенным

характером, в том смысле, что человек жертвует собой, отдает все свои силы, всего себя. Агапэ создает условия для формирования совершенных взаимоотношений.

9

Относящиеся к половым железам. – Прим. ред.

Купить: <https://telnovel.com/irvin-yalom/lzhec-na-kushetke>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)